

- *Скубачевская Л. А. Литература: универсальный справочник. М., 2010*

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО, поэма (Н. А. Некрасов)

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА

Н. А. Некрасов называл свое творение «эпопеей современной крестьянской жизни», поэтому жанр «Кому на Руси жить хорошо» можно определить как поэму-эпопею. Русская литература XIX века дала две эпопеи: «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова. Специфика жанра эпопеи не в объеме, а в полноте: эпопея показывает срез жизни нации в переломный момент. «Эпопейное» состояние мира, когда народ пришёл в движение, возникло в русской жизни в 1860-е годы — с отменой крепостного права и реформами.

Законы жанра эпической поэмы предъявляли особые требования к ее композиции и сюжету. Поэт избрал вполне традиционную для эпопеи форму путешествия. Сюжетную структуру «Кому на Руси жить хорошо» часто соотносят с народным эпосом (сказка о правде и кривде, былина о птицах). Однако вряд ли правомерно связывать композицию и сюжет «Кому на Руси жить хорошо» с композицией и сюжетом какого-либо отдельного произведения, будь то народный эпос или создания известных авторов. Структура поэмы Н. А. Некрасова вырабатывалась в результате творческого освоения русской и мировой литературы как в фольклорных, так и в книжных ее образцах.

В поэме подчеркнута эпическое единство семи странников. В их споре не проявляется индивидуальность, характер, в нем выражены основы народного самосознания. Читатель настолько проникается представлением о единстве семи странников, что воспринимает их «коллективную речь» как нечто естественное и само собой разумеющееся. Возведенная в обращения-вопросах героев в норму, она и воспринимается как норма читателем, подготовленным к такому пониманию устной народной поэзией.

И сами фантастические элементы «Пролога»: семь филинов на семи деревьях, молящийся черту ворон, наделенная волшебной силой птичка-пеночка, наконец, скатерть самобраная — могли бы восприниматься в реалистической поэме как наивный вымысел, как что-то контрастирующее с величием и значительностью предмета спора, если бы не несли в себе символику знакомого читателю народного эпоса. Скатерть самобраная — поэтический

символ довольства и счастья, выражающий ту извечную народную думу, которая в данном случае «из домов повыжила, отбила от еды» героев Н. А. Некрасова.

Фантастический элемент, так смело и свободно включенный в пролог, в общем не уведит читателя от реального мира. Фантастика в прологе совмещена с реальностью, она сильно ослаблена авторской иронией, подключающей мир фантастических образов к образам реально-бытовым, даже «низким» в своей будничной обиходности: «Чтоб армяки мужицкие / Носились, не сносились!»; «Чтоб липовые лапотки / Служили, не разбились...». Ответ пеночки на эти наиреальнейшие требования мужиков еще более оттеняет предметную основу повествования: «Все скатерть самобраная / Чинить, стирать, просушивать / Вам будет...»

В главах первой части поэмы народная жизнь представлен в более конкретных формах, чем в прологе. Появляются выразительные картины ярмарки в селе Кузьминском, колоритные сцены сельского быта, пейзажные зарисовки и т.д. Из многочисленной крестьянской толпы выделяются резко очерченные фигуры крестьян (Вавилы, Якима Нагого, «счастливые», сложный характер Ермила Гирина), показаны также помещики, чиновники, купцы. События разворачиваются в широких пространственных границах — на большой столбовой дороге, на ярмарке в храмовой праздник, на базарной площади, где собираются толпы народа, где сталкиваются различные интересы, проявляются различные характеры, где народная жизнь предстает в своей многоликости.

Поэт открывает новые способы расположения сцен и эпизодов, совершенствует искусство группировки сменяющих друг друга лиц, искусно чередует описание и повествование, вводит отдельные реплики «из толпы». Между этими отдельными репликами, как бы неожиданно прерывающими неторопливое эпическое повествование, прямо и непосредственно не связанными с ходом событий, короткими диалогами, высказываниями, поэт не устанавливает внешней логической связи. Создается ощущение, что сама по себе, без участия автора, перед нами проходит напряженная, энергическая жизнь праздничной толпы, слышатся ее голоса. Из внешне отрывочного повествования постепенно создается целостность эпического рода, в которой рельефно вырисовываются существенные особенности народного быта. Достигается это за счет того, что не всегда резко контрастируют свет и тени, подчас эти контрасты смягчены и не

столь очевидны, соблюдается определенная мера, позволяющая выделить в сложном движении и группировке событий, сцен и эпизодов такие события и лица, в которых открываются коренные черты народной жизни, выделяются ее главные тенденции.

Стиль «Кому на Руси жить хорошо» имеет глубокие народные истоки и представляет собой сплав литературного языка, элементов фольклора и разговорной речи русского крестьянства. Народное поэтическое творчество и живая народная речь были для Н.А. Некрасова средством проникновения в образ мыслей и в чувства героев эпопеи, средством художественного воссоздания типических сторон народной жизни.

В поэтическую ткань поэмы вплетено, чаще в художественно трансформированном виде, более семидесяти народных пословиц, и тридцати загадок, тексты, мотивы и фрагменты народных песен, свадебных и похоронных причитаний; в ней слышатся отзвуки былин и народных легенд, завязка сюжета непосредственно связана с использованием сказочных мотивов. Рисую народный быт, раскрывая основы крестьянского мирозерцания, Н. А. Некрасов часто упоминает и о бытовавших в народе обычаях, приметах и поверьях, иногда даже указывая на это читателю в подстрочных примечаниях к тексту.

Связь поэмы «Кому на Руси жить хорошо» с фольклором не исчерпывается использованием в ней отдельных фольклорных жанров. В основе всей образно-эмоциональной системы некрасовского произведения лежат законы народной поэтики. Это проявляется и в характере изобразительных средств, особенно сравнений, и в ритмической организации стиха.

Опираясь на меткую образную народную речь не только в ее устно-поэтической, но и в живой, разговорно-бытовой форме, Н. А. Некрасов широко вводит в поэму просторечную лексику, народные речевые обороты, фразеологизмы, что придает произведению неповторимый национально-самобытный колорит. Но еще большую роль в создании этого колорита играет умелое использование Н.А. Некрасовым в ритмо-мелодических целях некоторых морфологических и фонетических особенностей северно-русских говоров, в частности пристрастия к употреблению уменьшительно-ласкательных суффиксальных форм, придающих речи напевность и мягкость.

Н. А. Некрасов сказал однажды, что свою поэму он собирал двадцать лет «по словечку». Некрасовские «словечки» таковы, что их действительно нужно было собрать, подслушать у народа. Это словечки со своей «биографией» — почти каждое впитало многовековой опыт народной жизни, так что поэма оказалась как бы произведением не одного поэта, но и народа в целом, не просто рассказывала о народе, но «говорила народом». Слово поэта становилось словом самого народа, подкреплялось всей его силой. Таким образом, поэма написана как бы сквозь народное мироощущение (причем сам поэт может быть не всегда солидарен с этим мироощущением — например, ему бы хотелось, чтоб в крестьянских избах на стенах висели не портреты представительных, толстых генералов, а портреты В. Г. Белинского и Н. В. Гоголя). Общепризнанное дело становится основой эпического действия в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Перед читателем проходит вся народная Русь. В семи мужиках, спорящих о проблеме человеческого счастья, подчеркивается обобщающее, хоровое начало; Яким Нагой, Ермил Гирин, Матрена Тимофеевна, староста Влас и многие другие герои воплощают в себе различные грани единого народного характера, его сущность. Каждая часть оставшейся незавершенной поэмы может быть самостоятельной, но вместе с тем все они связаны единством мотива и действия — поисками счастливого на Руси.

ТЕМЫ, МОТИВЫ, СИМВОЛЫ

В эпической поэме «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасов показал многие аспекты российской жизни, затронул большое количество острых проблем. Очевидно, главной из них в поэме является проблема счастья, поставленная очень широко, как на социальном, так и на философском уровне. Проблема счастья связана в поэме с темой реформы, изменения жизни всего русского народа и темой свободы, с темой русского национального характера и другими. Вызванный поэтом образ громадного исторического времени приобрел необычайную сконцентрированность и острый современный смысл. Сама извечная мечта о хорошей жизни в середине прошлого (XIX века) становится по-особому злободневной. В переломную пору в жизни страны, когда пошатнулись многие ее казавшиеся крепкими устои, в том числе и устои самого народного сознания, извечные эти вопросы и загадки представляли как дело сегодняшнего бытия, требовали немедленных решений. Так, все в поэме — в ее образах, языке, стихе — представало как выражение вечного в сегодняшнем, очень обобщенного в очень конкретном. Всеобщий, всех и все вовлекающий

общерусский смысл приобретали как будто бы самые простые и обычные вещи. Потому-то перед читателем предстает не просто рассказ в стихах, а именно поэма-эпопея — о самом главном в жизни всего народа. Дорожная стычка мужиков все менее остается бытовой ссорой, все более становится великим спором, в который вовлечены все слои русской жизни, все ее главные социальные силы призваны на мужицкий суд: поп и помещик, купец и чиновник. И сам царь.

Рисую образ народа, поэт обращается к теме труда и к проблеме пьянства, к теме народного творчества, народного слова и теме песни как души народа. С темой судьбы русской женщины связана тема Родины-матери и идея будущего счастья великого русского народа — песня Гриши Добросклонова «В минуты унынья, о родина-мать!..» заканчивается словами:

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе раба,
Но мать уже вольного сына!..

Все названные темы и проблемы, заявленные в «Кому на Руси жить хорошо», рассматриваются в поэме в связи с темой счастья, важным условием которого является преодоление рабства:

Довольно! Окончен с прошедшим расчёт,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином...

Хотя поэма осталась неоконченной, но без итога она не оставлена. Уже первая из песен «Пира на весь мир» на вопрос-формулу «Кому на Руси жить хорошо?» дает ответ-формулу:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Песня «Средь мира дольного...» призывает к борьбе за народное счастье, за свет и свободу. Но дело, естественно, не просто в декларации этих идейно-тематических формул-лозунгов.

Смысл итоговых стихов поэмы действительно заключается в призыве к борьбе за народное счастье, но смысл всей поэмы в том, что такой народ заслуживает счастья и стоит того, чтобы за него бороться:

В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать.
Но ты не погибнешь, я знаю.

Поэт действительно знал это и всем содержанием своей народной поэмы представил тому доказательства. Сам по себе образ Гриши Добросклонова, сочиняющего и поющего песни заключительной части поэмы, очень обобщенный и условный образ молодости, устремленной вперед, полный надежды и веры, не является ответом ни на вопрос о счастье, ни на вопрос о счастливце. Счастье одного человека (чьим бы оно ни было и что бы под ним ни понимать, хотя бы и борьбу за всеобщее счастье) — еще не разрешение вопроса, так как поэма выходит к думам о «воплощении счастье народного», о счастье всех, о «Пире на весь мир». Последние стихи — «песни» поэмы — стихи лирические, но такие, которые могли возникнуть лишь с опорой на могучий народный поэтический эпос. Многие в этих стихах идет от надежды, от пожелания, от мечты, но такой, которая находит реальную опору в жизни, в народе, в стране Россия. Эпопея в самой себе несет разрешение.

«Кому на Руси жить хорошо?» — поэт задал в поэме великий вопрос и дал великий ответ в последней ее песне «Русь»:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

.....

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зёрнышку
Горы nanoшены.

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

«Широкая дороженька» — поэма не завершилась, и многое в ней объясняется за ее пределами.

Вообще же образ «широкой дороженьки» символичен и очень значим в поэме. Он характерен для сюжетов-путешествий, довольно распространенных в русской литературе. Путешествие Онегина должно было занять большое место в пушкинском романе в стихах. Лермонтовский герой своего времени живет буквально на колесах — в каждой новой повести он уже на новом месте. То, что Чичиков в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя путешествует, многое объясняет в этой книге, названной автором поэмой. Но, кажется, со времен «калик перехожих» никто не странствовал так, как герои поэмы Н. А. Некрасова, не брался Русь-матушку «ногами перемерять». «Кому на Руси жить хорошо» открывается именно этим образом — и пролог (семи мужиков-странников «сошлись» именно «на столбовой дороженьке», и идя по ней — спорили), и первая глава «Поп». С самого начала и на протяжении всей поэмы «по сторонам дороженьки» разворачивается панорама всей русской земли.

В поэме также присутствуют и многие другие образы-символы, созданные на основе народно-поэтического творчества. Так, скатерть самобраная — традиционный символ достатка. Однако наши странники просят только «хлебушка / По полупуду в день», «водки по ведерочку», «огурчиков», «квасу кислого», «чайку», да «чтоб армяки мужицкие / Носились, не сносились!», «Чтоб липовые лапки / Служили, не разбились», «Чтоб вошь, блоха паскудная В рубахах не плодилася», «Не прели бы онученьки». Мужики не просят у волшебной птицы богатства и счастья для себя. То, что они попросили, необходимо им, чтобы, не отвлекаясь на мелкое, доведаться до смысла жизни, до сути человеческого счастья.

Символичен образ неизвестной рыбы, что обитает в неизвестных морях, проглотившей «ключи от счастья женского»; и образ плачущей волчицы с окровавленными сосцами, также связанный с темой судьбы русской крестьянки.

Одним из символов реформы и всех захватившего кризиса является образ «цепи великой», которая, порвавшись, «расскоилася: /Одним концом по барину, / Другим по мужику!..»

Вахлачина и Корежина — многозначные символы крестьянской жизни. Такие слова, как «Наддай!» Савелия (очень понравившееся странникам) и «Нишкни!» Агапа Петрова связаны с темой падения рабства. Они являются символом освобождения и свидетельством того, как «Сбирается с силами русский народ / И учится быть гражданином». Семеро же странников — символ всей тронувшейся с места, ждущей перемен и ищущей счастья пореформенной народной России.

СЮЖЕТ

На широкой дороге встретились семь мужиков, освобожденных реформой 1861 года, и заспорили, «Кому живется весело, /Вольготно на Руси?»: «Роман сказал: помещику/, Демьян сказал: чиновнику, /Лука сказал: попу. /Купчине толстопузому! — Сказали братья Губины,/ иван и Митодор. / Старик Пахом потужился / И молвил, в землю гляючи: /Вельможному боярину, / Министру государеву. / А Пров сказал: царю...» Спорили так, что не заметили, что они уже далеко ушли от родных деревень, что уже наступила ночь. Еще сильнее заспорили — подрались, да так, что шум по всему лесу пошел. В то время из гнезда выпал птенчик, его подобрал Пахом. Прилетела пеночка — «пичуга малая», услышала о споре мужиков, об их «заботушке», и обещала им скатерть самобраную, которая кормила бы их в нелегком пути-поиске счастливого на Руси, если они отпустят ее птенца. Пеночка «с своими родимым птенчиком» улетела, а мужики, поужинав, дали зарок впредь не драться, домой не возвращаться до тех пор, «покуда не доведает / Как ни на есть — доподлинно, / Кому живется счастливо, / Вольготно на Руси?»

Первым на широкой дороженьке мужики встретили попа. Отвечая им «без смеху и без хитрости, /По правде и по разуму» на вопрос мужиков, он рассказал им о трудностях поповской жизни. Выслушав его невеселый рассказ, мужики

«Накинулись с упреками, / С отборной крупной руганью / На бедного Луку», доказывавшего в споре, что попам живется «вольготно» и «весело».

Затем попали странники на «сельскую ярмонку», в село Кузьминское. Там видели они много товару и многих людей: деда Вавилу, «барина» Павла Веретенникова, артистов Петрушки и других. К вечеру они покинули «бурливое село». Ночью же перед ними предстала картина пьяного народного разгула. Странники стали свидетелями спора о пьянстве русских крестьян между Павлов Веретенниковым и Якимом Нагим. Спор закончился «удалой, согласной» народной песней. Странники стали в толпе искать счастливого, обещая угостить его вином. Нашлось много «счастливых», однако мужики не поверили в счастье ни одного из них. Тогда крестьянин Федосей сказал о Ермиле Гирине: «Коли Ермил не выручит, / Счастливым не объявится, / Так и шататься нечего...» Ермил — честный, грамотный, уважаемый человек, жизнь его кажется благополучной. Однако выясняется, что теперь он сидит в тюрьме и не может быть признанным счастливым.

На своем пути встретили странники помещика — Гаврилу Афанасьевича Оболта-Оболдуева и обратились к нему со своим вопросом, со своей «заботушкой». Помещик рассказал, что его именитые предки жили широко и беззаботно. И он готовился к такой жизни, храня традиции и «древнее достоинство дворянское». Однако после реформы жизнь круто изменилась, и помещик от этого несчастлив. В конце своей речи он зарыдал, и «Крестьяне добродушные / Чуть тоже не заплакали».

Продолжая свой путь, странники пришли на берег Волги, в Вахлачину. Здесь они познакомились с бурмистром Власом, который рассказал им необыкновенную историю. Дело в том, что их помещик не мог смириться с отменой крепостного права, заболел, а сыновьям сказал, что лишит их наследства за то, что они «Права свои дворянские, / Веками освященные» предали, подчинившись реформе. Тогда наследники уговорили крестьян подыграть им — обмануть князя, сделать вид, что крепостное право восстановили. За это они обещали людям хорошие земли после смерти Последыша. Крестьяне согласились и стали ломать «камедь» перед барином, подсмеиваясь над ним. Но не до смеха Власу: он рассказывает странникам о гибели Архипа Петрова. Действительно, «камедь» заканчивается совсем не весело для крестьян деревни Вахлаки: после смерти Последыша его сыновья стали угнетать их, не сдержав своих обещаний:

«А за луга поемные / Наследники с крестьянами / Тягаются доднесь. Влас за крестьян ходатаем, / Живет в Москве... был в Питере... А толку что-то нет!»

Дальше странники решили поискать счастливую русскую женщину. Им указали на крестьянку Корчагину Матрену Тимофеевну, «губернаторшу». Странники пришли к ней, рассказали о своем споре, уговорили рассказать ей, за что считают ее счастливцей. Матрена Тимофеевна рассказал, как хорошо ей жилось в родительской семье, как с детства привыкала она к крестьянскому труду, как сосватал ее Филипп Корчагин, «по мастерству печник», и увез в другую деревню. Тяжело жилось Матрене в чужой семье, когда «в работу муж отправился»: «Деверек ее — /Расточихою, А золовушка — / Щеголихою, / Свекор-батюшка — /Тот медведицей, / А свекровушка — /Людоедицей, / Кто неряхою, / Кто непряхою...» Только дедушка Савелий жалел Матрену. О нем она рассказывает странникам — «Грех промолчать про дедушку, / Счастливец тоже был...»: Савелий — бунтарь, богатырь, убийца жестокого немца-управляющего, каторжник — «клейменный, да не раб», своего рода народный философ — прожил тяжелых сто семь лет, богатырская сила его «Под розгами, под палками / По мелочам ушла!». Рассказала Матрена о том, как умер ее первый сыночек, как елгла она под розги вместо своего восьмилетнего Федотушки, как голодали, как забрали мужа в солдаты. Счастливой же ее прозвали за то, что дошла она, беременная, до губернаторши, и родила у нее на руках. Добрая же губернаторша крестила ее сына и мужа домой вернула. Заключает же свой рассказ Матрена бабьей притчей, словами, что «Не дело — между бабами / Счастливую искать!», что «Ключи от счастья женского, / От нашей вольной волюшки / Зброшены, потеряны / У Бога самого!»

Заканчивается поэма «Пиром на весь мир». Всю ночь поют крестьяне песни о горьком времени, о старом и новом. О добром времени — добрые песни сочиняет и поет Гриша Добросклонов: «В минуты унынья, о родина-мать! / Я мыслью вперед улетаю, / Еще суждено тебе много страдать, / Но ты не погибнешь, я знаю...»

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ

Задумывая поэму «Кому на Руси жить хорошо», Н. А. Некрасов предполагал отобразить жизнь народа во всей ее полноте и целостности — и все в живом

действии, в лицах, образах, картинах. Это в полной мере удалось ему. Поэт называл свое творение «эпопеей современной крестьянской жизни» — в ней действительно присутствует огромное количество крестьянских образов, самыми яркими из которых являются образы Ермилы Гирина, Якима Нагого, Савелия, Матерны Тимофеевны, Власа, Агапа Петрова, Клима Лавина, Вавилы и др. Но не только мир крестьянства предстает перед читателем «Кому на Руси жить хорошо». Поэму полна образов помещиков (Оболт-Оболдуев, князь Уятин, его черноусые сыновья и их жены, Шалашников), помещичьих прислужников (лакеи, дворовые, швейцары), попов (в главах «Поп», «Счастливые», «Демушка» в «Крестьянке»), да есть еще добрая губернаторша, да жестокий немец-управляющий, и артисты «Петрушки», и солдаты, и солдатская жена, и «народные заступники», и разного рода странники, и еще многие-многие образы русских людей, обеспечивающие многоголосие и эпическую широту великого некрасовского произведения. Для поэмы в целом характерно эпическое единство всех ее персонажей; вместе с тем в ней много ярких индивидуализированных образов.

СЕМЬ СТРАННИКОВ: Роман, Демьян, Лука, братья Иван и Митродор Губины, старик Пахом, Пров. Семь странников являются героями, сюжетно объединяющими главы поэмы в одно целое. Для Н. А. Некрасова вообще характерно стремление к эпическому единству всех персонажей поэмы. Об этом говорит, в частности, многократно повторенное в авторской речи слово «народ»: «видимо-невидимо народу», «народ собрался, слушает», «народ идет и падает», «рассчитывал народ». Еще чаще встречается близкое к нему по значению и в ряде случаев являющееся его синонимом слово «крестьяне»: «крестьяне речь ту слушали», «жаль бедного крестьянина», «весна нужна крестьянину», «на мерочку господскую крестьянина не мерь», «у каждого крестьянина душа что туча черная» и т.д. Нередко с тем же обобщающим значением употребляются слова «мужик», «мужики». Особенно подчеркнута эпическое единство семи странников. За исключением Луки («Лука — мужик присадистый / С широкой бородищею, / Упрям, речист и глуп...»), им не дано портретных характеристик, ничего не сообщается об особенностях их внутреннего мира. Если называется один из мужиков, то имя не имеет значения, вместо него могло быть любое из семи (например: «Тут жаворонка малого, / Застрявшего во льну, / Роман распутал бережно, / Поцаловал: «Лети!» / И птичка ввысь помчалась, / За нею умиленные / Следили мужики...»). И это не

случайно. В их споре не проявляется индивидуальность, характер, в нем выражены основы народного самосознания.

Эпическое единство сказывается и в почти дословно повторяющемся обращении крестьян к попу, помещику, к крестьянке Матрене Тимофеевне Корчагиной, старосте Власу и другим лицам. За самыми редкими исключениями, индивидуальный субъект речи в этих обращениях не выявлен. После обобщенной формулы «сказали мужики» дается «коллективный» монолог на десятки стихов. В данном случае форма индивидуально нерасчлененной речи оказывается уместной и законной. Возведенная в обращениях-вопросах героев в норму, она и воспринимается как норма читателем, подготовленным к такому пониманию устной народной поэзией.

Не случайна здесь цифра «семь», которая считалась в народной поэзии магической. Кстати, среди фантастических элементов «Пролога» — семи филинов на семи деревьях.

В то же время семь сказочных героев оказываются и реальными современными крестьянами. Однако важность предмета спора, непреклонность в достижении цели придают действиям мужиков высокий характер, несмотря на авторскую иронию в обрисовке внешней стороны этого спора. Перед значительностью их цели исчезает все мелкое, частое, единичное. Сознание урского крестьянина пореформенной поры охарактеризовано со всей глубиной поэтом, герои которого не просто ищут счастливого на Руси, но в конечном итоге пытаются найти пути к народному счастью.

Решая вековечный для народной жизни и для странников-правдоискателей. С подлинно мужицким стремлением докопаться до корня отправляются они в путешествие: «Мужик что бык: втемяшится / В башку какая блажь — / Колом ее оттудова / Не выберешь: упираются, / Всяк на своем стоит! / Такой ли спор затеяли, / Что думают прохожие — / Знать клад нашли ребятушки / И делят меж собой...» Но не клад занимает мужиков — они оказались одержимы громадной социальной, нравственной идеей. Они ставят себе зароки, берут обет на подвижничество: «Вперед не драться зря, / А с толком дело спорное / По разуму, по-божески, / На чести повести — / В домишки не ворочаться, / Не видеться ни с женами, / Ни с малыми ребятами, / Ни с стариками старыми, / Покуда делу спорному / Решенья не найдут, / Покуда не доведуют / Как ни на есть — доподлинно».

Именно мужиками сформулирован рефрен — «Кому живется весело, вольготно на Руси», который постоянным напоминанием пройдет через всю поэму. Обычные крестьяне, вцепившиеся в чудной вопрос: а кому на Руси весело? — отправляются в путешествие, бесконечно повторяя, варьируя и углубляя вопрос: кто счастлив на Руси? Они оказываются символом всей тронувшейся с места, ждущей перемен пореформенной народной России.

САВЕЛИЙ. Когда Матрена Тимофеевна, начиная повествование о Савелии-дедушке, говорит: «Ну, то-то! Речь особая. / Грех промолчать про дедушку, / Счастливец тоже был...», то слова эти вроде бы могут быть восприняты как горькая ирония и в адрес его, и в адрес ее счастья. Так, может быть, действительно перед читателем опять один из многих мытарей, горемык, вроде тех, что уже прошли, например, в главе «Счастливые» первой части?

Однако только ли иронически назван Савелий счастливецом? Ведь за этим горькими словами, последними словами второй главы, прямо следует уже совсем не ироническое название третьей — «Савелий, богатырь святорусский». Впервые с такой силой вошла в поэму и уже до конца не уйдет из нее тема народного богатырства, находящая опору в былинной истории. Некрасовское определение «святорусский» сразу возвало к русскому героическому эпосу, к образу богатыря богатырей — Святогора. Но, начав с былинного слова «богатырь свято...», Н. А. Некрасов дает ему другое продолжение — «богатырь святорусский». Слову придан обобщенный, всероссийский смысл, а приложено он отнюдь не к традиционному образу богатыря, а к образу крестьянина. Определение из сферы воинского эпоса переадресовано простому мужику по имени Савелий — имя тоже совсем не традиционно богатырское. Однако Н. А. Некрасов не только не снижает этим былинный эпос до мужицкой жизни, но саму крестьянскую жизнь возводит в ранг высокой героики.

Но Савелий не только бунтарь. Он и своеобразный народный философ. Его раздумья о богатырском терпении народа трагичны. Он не просто осуждает способность народа терпеть и не просто ее одобряет. Он видит сложную диалектику народной жизни и не берется давать последние ответы и выносить окончательные решения: «Не знаю я... / Не знаю, не придумаю, / Что будет? Богу ведомо!»

Савелий представлен не только богатырем-бунтарем. Он и богатырь духа, подвижник, спасающийся в монастыре. Народная религиозность всегда

привлекала внимание Н. А. Некрасова, но отнюдь не сама оп себе. Обычно она предстает у него как символ высокой народной нравственности, способ искупления вины и способность в самом страдании обрести величие. Вот почему Савелий назван святорусским.

А уже в самом конце этой части он оказался запечатленным и как бы увековеченным в своеобразному памятнике. Когда в последней главе Матрена Тимофеевна идет просить за своего мужа Филиппа в город, она видит там памятник. Самого города Н. А. Некрасов при этом не называет, хотя и указывает на исключительную в своем роде приметку города Костромы — памятник Ивану Сусанину: «Стоит из меди кованный, / Точь-в-точь Савелий, дедушка, / Мужик на площади. / «Чей памятник?» — / «Сусанина».

Автор народной поэмы не мог не выделить этот единственный тогда в стране памятник простому мужику. Памятник Ивану Сусанину (скульптор В. И. Демут-Малиновский) в Костроме был поставлен в 1851 году. Выглядел памятник так: у подножия шестиметровой колонны, увенчанной бюстом Михаила Романова, — коленопреклоненная фигура Ивана Сусанина. Бывая в Костроме Н. А. Некрасов не раз видел этот памятник. Хотя реальный памятник оказался скорее памятником царю, чем Ивану Сусанину, Н. А. Некрасов дает в поэме свой «проект» памятника: о колонне с бюстом царя поэт не упоминает, а Сусанин, «из меди кованный», стоит в полный рост. Сравнением с костромским бунтарем Савелием костромского мужика Сусанина поэт как бы дезавуировал свои стихи «Осипу Ивановичу Комиссарову». В то же время, сравнение с героем русской истории Иваном Сусаниным наложило последний штрих на монументальную фигуру святорусского крестьянина Савелия.

Н. А. Некрасов не просто декларирует богатырство Савелия. Он показывает, на чем это богатырство основано: ум, воля, чувства героя складываются в испытаниях. Вся жизнь его — это становление и внутреннее высвобождение характера: «...Клейменный, да не раб», — говорит Савелий о себе.

Кстати, образ Савелия важен не только сам по себе. Он как бы аккомпанирует на протяжении почти всей части образу Матрёны Тимофеевны Корчагиной, так что, по существу, перед читателем возникают два сильных богатырских характера.

КРЕСТЬЯНКА МАТРЁНА ТИМОФЕЕВНА КОРЧАГИНА. «Матрена Тимофеевна / Осанистая женщина, / Широкая и плотная, / Лет тридцати осьми. / Красива;

волос с проседью, / Глаза большие, строгие, / Ресницы богатейшие, / Сурова и смугла. / На ней рубаха белая, / Да сарафан коротенький, / Да серп через плечо». Крестьянка, которую «ославили счастливицей», «губернаторшей» за необыкновенный случай, произошедший с ней, когда ей посчастливилось спасти мужа от солдатчины, да еще и родить на руках у самой губернаторши, которая стала крестной матерью ее сына. Однако рассказ Матрены Тимофеевны о своей жизни семи странникам показывает, что всего-то счастья у нее было — несколько минут, когда будущий муж к ней сватался. Она говорит о себе так: «По матери поруганной, / Как по змее растоптанной, / Кров первенца прошла, Э По мне обиды смутные / Прошли неотплаченные, / И плеть по мне прошла! / Я только не отведала — / Спасибо! Умер Сотников — / Стыда неискупимого, / Последнего стыда!» Кроме того, «Не то ли вам рассказывать, / Что дважды погорели мы, / Что Бога сибирской язвою / Нас трижды посетил? / Потуги лошадиные / Несли мы; погуляла я, / Как мерин в бороне!...» Образ Матрены Тимофеевны и индивидуален, и обобщен. Ею высказана формула: «вы затеяли / Не дело — между бабами / Счастливую искать».

ГРИША ДОБРОСКЛОНОВ. «Доброе время — добрые песни» — заключительная часть последней главы поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Именно устремленность в будущее много объясняет в этой главе, не случайно названной «Песни», потому что в них вся ее суть. Здесь появляется и человек, эти песни сочиняющий и поющий, — Гриша Добросклонов. Образ Гриши одновременно очень реальный, и в то же время очень обобщенный и даже условный образ молодости, устремленный вперед, надеющейся и верующей. Отсюда его некоторая неопределенность, только намеченность.

Сам ввод в поэму этого нового персонажа связан с новым решением главного вопроса, поставленной в «Кому на Руси жить хорошо». Этому персонажу просто нечего было делать в поэме, пока концепция поэмы не изменилась. Все, что сказано о Грише Добросклонове, начиная с черновых текстов, связано с новым, а не с прежним решением основного вопроса. Это новое решение — то же, какое дал Н. Г. Чернышевский в своем романе «Что делать?». Оба произведения были задуманы примерно в одно и то же время, ставили один и тот же вопрос — о возможности счастья в тогдашней России для людей из обеспеченных классов, исходили из одинакового понимания счастья, но решали поставленный вопрос противоположным образом: Н. Г. Чернышевский утвердительно, Н. А. Некрасов отрицательно. Герои Н. Г. Чернышевского

счастливы и субъективно — в собственном сознании, и объективно — в оценке автора. Счастливы тем, что разумно мыслят и разумно живут: честно, плодотворно, стремясь быть полезными народам и делать, что могут, для возможно большего числа людей и для будущего счастья человечества, не отказывая себе при этом ни в каких радостях — разумных, конечно. Н. Г. Чернышевский подчеркивает в романе, что его герои веселы и счастливы. И это постоянно отмечалось критикой. Н. Н. Страхов даже назвал свою статью о романе «Что делать?» — «Счастливые люди». Речь идет об обыкновенных, хотя и «новых», людях. Такое понимание счастья характерно не только для литературных персонажей. Вот, например, отрывок из письма Н. Г. Чернышевского к жене из сибирской каторги, в котором он говорит о своем отношении к своей судьбе: «За тебя я жалею, что было так. За себя самого я совершенно доволен. Я думал о других — об этих десятках миллионов нищих, я радуюсь тому, что без моей воли и заслуги придано больше прежнего силы и авторитета моему голосу, который зазвучит же когда-нибудь в защиту их».

Счастье героев Н. Г. Чернышевского — это «счастье умов благородных». К пониманию возможности такого счастья приходит Н. А. Некрасов в конце своей работы над «Кому на Руси жить хорошо».

Гриша Добросклонов — человек счастливый и в своем сознании, и по оценке автора. Но, если Н. А. Некрасов мечтал продолжить и закончить поэму, Гриша Добросклонов и ему подобные должны были быть сведены с семью странниками и признаны счастливыми их решением.

Основной формальной связью между частями эпопеи является участие в действии семи странников. В первой части и в «Крестьянке» они спрашивают о счастье; в других частях опросов нет, но семеро крестьян остаются на сцене: они видят все или слышат обо всем, они свидетели происходящего, — «им дело до всего». Но в последней части «Пира на весь мир» («Доброе время — добрые песни») героем становится Гриша Добросклонов. Его песен странники не слышат.

Есть предел центробежности: линия Гриши должна была либо соединиться далее с линией странников, либо оторваться от нее и начать новую поэму о революционно настроенном юноше и его дальнейшей судьбе. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» в этом случае, очевидно, была бы оборвана.

Но если бы это было так, мог ли бы Н. А. Некрасов настаивать на печатании «Пира на весь мир», а не рассматриваться его лишь как черновик? Мог ли бы он мечтать о таком продолжении поэмы, которое имеет в виду в письме к Малоземовой? Г. В. Плеханов писал: «...у Н. А. Некрасова выходило так, что весело и вольготно живется в России только тем представителям радикальной интеллигенции, которые жертвуют собою для народа: «Быть бы нашим странникам под родную крышею,/ Если б знать могли они, что творилось с Гришею...» Но в том-то и дело, что странники, — крестьяне разных деревень, порешившие не возвращаться домой, пока не решат, кому живется весело-вольготно на Руси, — не знали того, что творится с Гришею, и не могли знать. Стремления радикальной интеллигенции оставались неизвестны и непонятны народу. Ее лучшие представители, не задумываясь, приносили себя в жертву его освобождению; а он оставался глух к их призывам и иногда готов был побивать их камнями, видя в их замыслах лишь новые козни своего наследственного врага — дворянства».

Г. В. Плеханов прав в своих рассуждениях о народниках и народе, но в данном случае важно, как смотрел на эти отношения Н. А. Некрасов. Равнозначно ли в самом деле «если б знать могли они» и «если б понять могли они»? Если такое понимание Н. А. Некрасов считал безнадежным, зачем ему было вводить в поэму образ Гриши Добросклонова и придавать ему такое значение? Для чего было в дальнейших частях выводить образы друзей народа, если они не могли быть признаны счастливыми судом народных представителей, которым с начала поэмы был поручен этот суд?

Прямые пропагандисты революции не могли иметь успеха в народе, но народники «оседлые», «мирные» могли рассчитывать на его сочувствием. И если Н. А. Некрасов снял слова о революционном будущем Гриши Добросклонова («Ему судьба готовила / Путь славный, имя громкое / Народного заступника, / Чахотку и Сибирь») не только по цензурным соображениям, причиной снятия этих слов могло быть желание не уточнять характера будущей деятельности Гриши Добросклонова — именно потому, что она должна была получить сочувствие и одобрение народа.